

АЛЕКСЕЙ ЗЫГМОНТ*

«МУЧЕНИКИ ЗА БОГА И ИСПАНИЮ»**

НАЦИОНАЛЬНОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО В ИСПАНИИ
ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО «ЗАКОНА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

Получено: 31.01.2023. Рецензировано: 06.02.2023. Принято: 06.02.2023.

Аннотация: Статья посвящена идеологии национального мученичества в Испании XX века, особенно культу «мучеников за Бога и Испанию», получившему распространение в эпоху Гражданской войны (1939–1939) и в период правления Франсиско Франко (1939–1975). Автор утверждает, что в качестве механизма легитимации и мобилизации идея мученичества за нацию была одним из интегральных элементов франкистского режима. Истоки этой идеи восходят к целому ряду специфических источников: это «старое» национальное мученичество XIX века, связанное с борьбой за независимость от Франции, культура локальных групп, таких как карлисты и иезуиты, идеология Испанской фаланги и богословские концепции, предложенные видными иерархами Римско-католической церкви в Испании. Подробно рассматривается дискурс основателя испанского фашизма Хосе Антонио Примо де Риверы, который культивировал в своей партии жертвенный дух и способствовал почитанию убитых фалангистов в качестве мучеников. Далее, теория и практика мученичества в эпоху Гражданской войны анализируется в связи с ее концептуализацией в качестве «Крестового похода», которая способствовала сближению образов военного-героя и мученика. После окончания войны идеология мученичества, изначально милитаристская, рутинизируется и становится более мирной, хотя и сохраняет свой объединяющий потенциал. В заключительном разделе статьи рассматриваются проблемы, связанные с Долиной Павших, а также современные процессы «демартиризации» в рамках преодоления наследия диктатуры. Автор делает вывод, что, пока в центре Долины находятся останки Хосе Антонио, государственная политика в отношении исторической памяти и культа мучеников останется концептуально незавершенной.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании, франкизм, национальное мученичество, историческая память, жертва, Долина Павших.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-128-164.

Изначально феномен национального мученичества¹ восходит к XVIII веку и эпохе революций в США и во Франции, именуемых классическими, однако наибольший масштаб он приобретает в XX веке. Если до этого

*Зыгмонт Алексей Игоревич, к. филос. н., независимый исследователь (Москва), alekseizygmont@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5822-9014.

** © Зыгмонт, А. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Об этом феномене в целом см. Зыгмонт, 2019; 2021.

нации, у которых был собственный культ мучеников, можно было счесть по пальцам и большинство из них укладывалось в республиканскую парадигму, то после мировых войн их количество возросло до нескольких десятков, разнесенных по всему земному шару и по разным концам условного политического спектра «лево — право». В Европе после Первой мировой войны с ее жертвенным пылом (Jenkins, 2014) мученичество особенно расцвело в авторитарных и прямо фашистских режимах, в особенности в Италии, Германии и Румынии, а также Испании. Отследить этот расцвет удобнее всего по распространению небывало масштабных памятников и ритуалов. Так, в Риме в 1932–1934 годах проходила Выставка фашистской революции, средоточием которой стало Святилище мучеников (Gentile, 1996: 121–131; Falasca Zamponi, 1998). В Мюнхене в 1935 году были выстроены нацистские Храмы почета, посвященные жертвам неудавшегося Пивного путча 1923 года, а на запятнанном их кровью штандарте освящали новые флаги. В Румынии в 1937 году проходили грандиозные церемонии в честь легионеров Моцы и Марина, погибших на театре Гражданской войны в Испании, а в период существования Национал-легионерского государства (1940–1941) объединенное правительство военных и фашистов чествовало Кодряну, основателя Легиона архангела Михаила, и прочих убитых вместе с ним (Săndulescu, 2007; Rusu, 2016, Rusu, 2020). В Испании франкистский культ мучеников воплотился в Долине Павших — грандиозном комплексе, в центре которого покоится тело основателя Испанской фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера. Свои фашистские мученики были и в других странах, в том числе Хорватии и Украине (Yeoman, 2005; David, 2020). В итоге фашистское мученичество стало транснациональным и позволило выстраивать связи между режимами, отношения которых не всегда бывали гладкими (Zavatti, 2022), а также между диаспорами и метрополиями, что хорошо изучено, скажем, на материале итальянской диаспоры в США (King, 2021) и некоторых других примерах.

Случай Испании представляет особый интерес по двум причинам. Во-первых, в отличие от тех же Италии, Германии или Румынии, в которых культы мучеников были чисто фашистскими, зародились в недрах соответствующих партий и затем перешли на национальный уровень в формате *ready-made*, в Испании это была сложная композиция, где фалангизм (местный извод фашизма, в теории — национал-синдикализм) был значимой, но отнюдь не единственной составляющей. Наряду с фашистами здесь играли огромную роль церковники и военные, которые, если говорить мягко, относились к партийным не столь однозначно,

и существовал крепкий фундамент в виде «старого» национального мученичества еще XIX века, а также идеологии сразу нескольких групп — в частности карлистов, иезуитов и республиканцев. Несмотря на это, главным мучеником франкизма стал основатель Испанской фаланги Хосе Антонио Примо ди Ривера, фактически отнятый у партии в акте политической инструментализации. Во-вторых, в отличие от перечисленных стран, где фашистское мученичество не пережило режимов или было уничтожено вместе со всей инфраструктурой (алтари в партийных ячейках, масштабные памятники, ритуалы, дни поминовения и так далее), в Испании оно продолжает «зудеть», оставаясь актуальной материей коллективной памяти и государственной политики в ее отношении (Aguila & Ramirez-Bara, 2014; Encarnacion, 2014). Иначе говоря, проблема будет сохраняться до тех пор, пока Гражданская война остается неоднозначно-болезненной темой, а Хосе Антонио покоится в центре Долины Павших.

Тем не менее в современных исследованиях трудного прошлого Испании и обусловленной им коллективной памяти тема мученичества часто остается за кадром: предполагается, что основную проблему здесь представляют само разделение на националистов и республиканцев, зверства военной эпохи, последующее унижение проигравших, пакт молчания в отношении прошлого и современные процессы, связанные с поиском массовых захоронений (Эшпле, 2021: 159–187). При этом нередко игнорируется и то, что франкизм был не просто диктатурой, соответствующим образом обошедшей со своими врагами, а своеобразной гражданской религией, построенной на союзе военных с церковниками и основанной как раз на идеологии мученичества. Подробное рассмотрение истоков, содержания и динамики этой идеологии, а также связанных с ней практик и монументов позволит, как представляется, лучше понять и локальные процессы, связанные с коллективной памятью в Испании, и в принципе судьбу феномена национального мученичества в XX веке, поскольку испанский кейс составляет здесь один из интереснейших и наиболее комплексных образцов.

Настоящая статья разделена на три части, отражающих соответственно предысторию национального мученичества в Испании XX века, само это мученичество в качестве как идеологии, так и культа и затем — опыт его преодоления после смерти Франко. Итак, сначала мы рассмотрим национальное мученичество в Испании XIX века и вкратце — жертвенную идеологию локальных групп, в том числе Испанской фаланги; далее опишем связь между концепцией Гражданской войны

(1936–1939) как «Крестового похода» и мученичеством, а также оценим связанные с последним идеи, образы и практики; наконец, в заключительном разделе статьи мы проанализируем сюжеты, сопряженные с Долиной Павших: трудности, связанные с ее изначальным замыслом и последующим воплощением, а также новейшую политику испанского государства в отношении исторической памяти.

НАЦИОНАЛЬНОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО В ДОВОЕННОЙ ИСПАНИИ

Своих первомучеников Испания обрела в войне 1808–1814 годов, которая известна в локальной историографии как война за независимость. Непреходящее влияние этих национальных героев проще всего отследить по многочисленным памятникам, расположенным по всей стране. Так, в Барселоне находится Памятник героям 1809 года, называемый обычно Памятником мученикам независимости — восьми испанцам, которые совершили неудачную попытку изгнать из города французские войска. Снизу на плашке утверждается, что они «пожертвовали своими жизнями за Бога, родину и Короля» (Monument to the Heroes of 1809, 2023). На севере в Сарагосе расположен Памятник мученикам войны за независимость, на котором также выражена благодарность «бесчисленным мученикам за веру и отечество» (Monumento a los Mártires..., 2023). Характерно, что памятник был заложен в 1899 году, через год после испано-американской войны (1898 г.). В середине XIX века в Мадриде создали Памятник отдавшим жизнь за Испанию — высокий обелиск в республиканском стиле, под которым горит вечный огонь и помещена надпись «Прах жертв 2 мая 1808 покоится в сем прибежище верности, орошенном их кровью; вечная слава патриотизму!» и далее — «Мученикам испанской независимости от благодарного народа. Завершен 2 мая 1840» (Monumento a los caídos por España, 2023). 2 мая — дата восстания против французов, которое окончилось сотнями казней, но положило начало освободительной войне. Уже в конце XX века король Испании Хуан-Карлос I перепосвятил этот монумент всем тем, кто отдал жизни за страну, то есть не только жертвам освободительного восстания.

С 1848 года в свет начал выходить многотомный труд «Пантеон испанских мучеников, принесших себя в жертву за свободу и независимость». Отправная точка этой работы — Восстание комунерос 1520–1522 годов против короля Карла V, возглавленное Хуаном де Падильей, Хуаном Браво и Франсиско Мальдонадо, которые стали мучениками. Несмотря на то что позднее война за независимость велась против Франции, извечного врага испанцев, стиль повествования автора, очевидно,

вдохновлен Французской революцией XVIII века: он без конца твердит о патриотизме, самопожертвовании, чести и доблести, одновременно браня тиранию, которую вознамерились свергнуть герои (Cusalon y Escolano, 1848-1849: IX). Хотя автор и ссылается на случаи Франции, Италии и США, он полагает, что испанское мученичество выше всех прочих. В других текстах это французское влияние проговаривается открыто. Например, в работе «Мученики за испанскую свободу» (1853) обыгрывается формула «мученики свободы» и говорится о политическом мартирологе (Ameller and Castillo, 1853: xv). Персонажи книги все те же: Хуан де Падилья описывается как «один из первых мучеников, принесших свою жизнь во всеожжение ради народных прав» (ibid.: 2). Чем этот текст отличается от иных работ, так это обилием и вариативностью обозначений: здесь упоминаются «мученики за свободы отечества», «мученик освобождения» [martir liberal], «мученики за дело народа», «мученик за охранение либеральных установлений» и прочие (ibid.: 238, 252, 258). Более строгие и выверенные обозначения применяются там, где идет борьба за значение терминов и социальную реальность, а в случае Испании же этот разнобой указывает на простоту, с которой эти люди были признаны в качестве мучеников и оставались в этом статусе в следующем веке.

Впоследствии любые внутренние и внешние войны приносили Испании все новых мучеников: это и испано-американский конфликт, и продолжительная борьба за независимость колоний в Америке (1808–1826), вследствие которой мученики появились у обеих враждующих сторон, и Первая мировая (несмотря на то что Испания в ней не участвовала, война оказала на нее немалое косвенное влияние).

Помимо этого, в стране у ряда группировок сформировался отдельный культ мучеников: например, он существовал у карлистов — монархической партии, участвовавшей в нескольких гражданских войнах XIX века; а еще раньше, после изданной Карлом III прагматической санкции 1767 года, мучениками сочли себя изгнанные из страны иезуиты, деятельность которых была запрещена (Vincent, 1999: 82). Поэтому вполне естественно, что в конце 1930-х годов группировки продолжили действовать в той же логике: так, в ноябре 1939 года монахи Вальядолида издали книгу «Мужество и вера», где прославляли своих коллег, убитых «красными» (ibid.: 90). Однако мученики были не только у карлистов и иезуитов, но и у секулярной Второй республики. В частности, Фермин Галан Родригес и Мигель Анхель Гарсия Эрнандес, которые в 1930 году возглавили восстание в Хаке, почитались как мученики.

Восстание было направлено против диктатора Мигеля Примо де Риверы и окончилось неудачей, но вызвало большие волнения и в конечном счете привело к смене режима 14 декабря того же года (Preston, 1993: 82–83). В соответствии с французской традицией его зачинщиков называли мучениками свободы и чествовали как жертв монархической реакции (ibid.: 101).

Однако наибольшее влияние на жертвенную идеологию националистов в годы Гражданской войны оказала фашистская Испанская фаланга, основанная Хосе Антонио, сыном покойного диктатора, в октябре 1933 года. В итоге фалангисты объединились с другими правыми силами и в 1939 году стали единственной законной партией в стране, хотя изначально они делали ставку на яростное сопротивление правящему режиму. Вторую республику Хосе Антонио называл не иначе как диктатурой, а вскоре после объединения Фаланги с Союзом национал-синдикалистского наступления (по-испански — JONS) заявлял, что любые компромиссы с силами порядка невозможны из-за их антииспанской природы (Primo de Rivera, 1976: 341)². Помимо этого, в конце 1930-х годов партии пришлось изменить и отношение к религии: если сначала первая тяготела к соляному национализму итальянского типа и церковников недолюбливала, то впоследствии нехотя приняла франкистский идеал конфессионального государства.

Как отмечает историк Стэнли Пейн, важнейшей социальной базой для партии были студенты: именно они

наиболее ярко отзывались на пропаганду Фаланги; именно они сотворили политический идол из Хосе Антонио... сообщили партии идеализм и стали первыми мучениками, определившими ее силу и дух (Payne, 1965: 50).

Первым мучеником Фаланги стал Франсиско де Паула Самполь — студент, убитый 11 января 1934 года социалистом, по некоторым данным, за приобретение фалангистской газеты; второй и более известной жертвой был Матиас Монтеро и Родригес де Трухильо — студент-медик и основатель Испанского университетского союза (SEU), застреленный 9 февраля. Поскольку Монтеро был активистом и погиб опять-таки за распространение фалангистской газеты, Хосе Антонио мог не только рассуждать о его смерти, но и утверждать: «...мученичество Матиаса

²Здесь и далее страницы даются по фактической нумерации в электронном Полном собрании сочинений. Перевод некоторых цитат приводится по изданию: Примо де Ривера, Иванов, 2010.

Монтеро дает нам урок не только о смысле смерти, но и о смысле жизни». Таким образом, его жертва за Испанию и Фалангу осмыслялась как обладающая «огромным значением вечности» (Primo de Rivera, 1976: 409). В речи, произнесенной на его могиле 10 февраля, Хосе Антонио хотя и не назвал его мучеником напрямую, но сделал акцент на плодотворном характере его смерти: «Пусть Бог дарует тебе вечный покой и лишит покоя нас — покуда ради Испании мы не пожнем урожай, посеянный твоею смертью» (ibid.: 234). Памяти Монтеро был посвящен *Día del Estudiante Caído* (День павшего студента) — один из первых памятных дней Фаланги, собиравший в те годы сотни и тысячи активистов (Payne & Palacios, 2014: 368, 375; Thomàs, 2019: 154–155). Характерно, что с приходом к власти Франко этот день не утратил значения и, более того, продолжал отмечаться даже после кончины каудильо в 1975 году. В определенных кругах годовщину смерти Монтеро отмечают и по сей день (см., напр. 82 Aniversario..., 2019).

Тема мученичества — одна из важнейших для Хосе Антонио, она регулярно встречается в его речах и статьях в связке с понятиями жертвы, смерти, крови и героизма, притом в характерно функциональных контекстах. Мотив, который ассоциируется у него с мученичеством чаще всего, — это единство: кровь мучеников обладает властью как бы скреплять людей между собой, идет ли речь о партии, нации или всех индивидах с некой общей целью: «Да, мы будем воодушевлены и едины и каждый день станем повторять ту жертвенную клятву, скрепленную кровью наших мучеников» (Primo de Rivera, 1976: 323). В отличие от других идеологов мученичества, вождь Фаланги придает ему дополнительное трансцендентное измерение, которое поверяет любые имманентные узы:

Кровь наших павших объединяет нас, и их кровью скреплен наш пакт. Здесь внизу мы обнялись и образовали один кулак, а там — в вышине, на голубом небе Испании — сегодня крепко обнялись Хосе Руис де ла Эрмоса и Матияс Монтеро и Родригес де Трухильо (ibid.: 249);

Кровью двадцати четырех мучеников Испанская фаланга скрепила обязанность освободить Испанию и на развалинах либерально-капиталистического строя создать новую имперскую Испанию — единую, великую и свободную (ibid.: 608).

Учитывая характерную для рассматриваемого движения сакрализацию насилия, неудивительно, что оно сопутствует жертвенности равно на земле и в небесных чертогах (Primo de Rivera, 1976: 488):

Рай — это состояние, противоположное покою. В раю нельзя лежать, в нем надо стоять, подобно ангелам. Наши лучшие товарищи, пожертвовав своими жизнями, находят уже на пути в рай... у врат которого стоят ангелы с мечами.

От небесного воинства, в которое входят мученики, остается всего шаг до воинства земного, которое их поставляет: «В эти дни наши вооруженные силы очистились от мучеников. [...] Кровь военных была растрчена, дабы возместить Испании за ошибки и коварство других» (ibid.: 342). Впрочем, даже с учетом этой объединяющей и мобилизующей силы жертвы Хосе Антонио подчеркивает, что излишнее количество мучеников может навредить делу на уровне практики (ibid.: 213–214):

Довольно мучеников! [...] Мы не желаем, чтобы еще больше нашей крови пролилось на улицах напрасно. У нас уже и так много мучеников. Мы не застрахованы от того, что могут пасть и другие. Но это не останется безнаказанным.

Еще одна отличительная черта риторики Хосе Антонио — полное отсутствие внешних референций и образцов. Если во Франции идеологи революции обращались к теням античных героев Брута или Катона, а лидер Пасхального восстания 1916 года в Ирландии Патрик Пирс говорил о евангелиях и апостолах, призывая в союзники католичество, то Хосе Антонио не делает ни того ни другого, как будто мученичество для него — нечто самоочевидное. В его Полном собрании сочинений есть лишь две отсылки ко Христу. Одна из них — косвенная, когда он цитирует Паскаля, вторая дана лишь намеком: «В другой, отдаленной земле один Мученик пролил свою кровь и принес себя в жертву, чтобы эта кровь установила любовь и братство между людьми на Земле» (ibid.: 232). Хотя он часто говорит о христианстве, эта религия для него — не традиция или учение, а скорее часть испанской идентичности, естественная и почти что невидимая.

Одной из известнейших практик Фаланги была ритуальная переключка: выкрикивались имена почивших, и все отвечали: «¡Presente!» («Присутствует!») Эта практика — прямое заимствование у итальянских фашистов (Gentile, 1996: 27), также она упоминается в программной статье Хосе Антонио «Смерть есть акт служения», опубликованной

1 февраля 1934 года в журнале *FE* («Вера»): «Павший, когда выкликают его имя, отвечает устами своих товарищей» (Primo de Rivera, 1976: 230). Целью обряда было как утвердить мертвых в рядах общины, так и сплотить живых: имена мучеников вышивались на знаменах партии, иногда золотой нитью³. Характерно, что глава Фаланги не хотел выносить эту практику вовне и ограничивал ее узким кругом причастных (*ibid.*):

Мученичество в наших рядах — школа страданий и жертвенности. [...] Мы не тревожим останков наших умерших, растаскивая их по кликушествующим издательствам или тряся ими ради политических эффектов.

В целом все эти практики в синергии с милитантно-жертвенной риторикой позволяли окружить Фалангу как бы ореолом мученичества и славы, по выражению одного правого современника.

На протяжении всей своей политической деятельности — которая, как и полагается революционеру, была не такой и долгой, — Хосе Антонио постоянно инициировал и вел репутационные проекты мучеников, чьи имена заполняли поля фалангистских знамен. Об огромном значении для него этой деятельности свидетельствует тот факт, что он продолжал заниматься ей даже после ареста (который произошел 4 марта 1936 года), находясь в заключении. Так, в письме от 3 июня 1936 года он просит, чтобы семье погибшего активиста передали его соболезнования, а партийным рассказали о смерти товарища: это позволило бы зачислить его в ряды мучеников (*ibid.*: 874). Правда, в отличие от других политических мучеников, он даже в тюремной камере не пытался сделать мученика из себя самого — этим с энтузиазмом занялись другие.

Однако же главный мученический проект Хосе Антонио был связан с именем его отца. В январе 1930 года Мигель Примо де Ривера подал в отставку и отправился в Париж, где и почил спустя шесть недель — 16 марта того же года. Именно в это время Хосе Антонио написал статью «Героическое молчание», где он впервые применил по отношению к отцу понятие мученичества (*ibid.*: 49):

³См. описание масштабного собрания Испанской фаланги в кинотеатре «Мадрид» (Примо де Ривера, Иванов, 2010: 176–177): «Только в конце, когда огромный черный занавес с ярмом и стрелами и с именами наших мучеников закрыл до краев пустую стену, наши товарищи смогли почувствовать облегчение. [...] В глубине его располагалась стена, закрытая черным занавесом с огромной красной эмблемой и именами наших мучеников, золотыми буквами, в двух колонках по бокам».

В сем героическом молчании павшего правителя душа очищается, а глаза проясняются, дабы глядеть еще выше. Временное мученичество — это инвестиция историей. Без этого никому не достичь того, чтобы его имя славилось в веках. Это чистилище. Дальше — вечная слава.

В речи, произнесенной на собрании Патриотического союза — партии, созданной Мигелем Примо де Риверой в середине 1920-х, — Хосе Антонио говорил о своем отце (Primo de Rivera, 1976: 72):

...единственный, кто может претендовать на мученический венец красноречием своего немого и бледного трупа — это тот, кто прибыл в грузовом вагоне этого поезда; единственная и великая жертва диктатуры — мой отец.

В конспекте речи, опубликованном на следующий день в газетах *La Nación* и *Unión monárquica*, зафиксирована также и реакция слушателей: «Да здравствуют дух, раса и кровь Примо де Риверы!» — кричали они. «Смерть убийцам!», «Да здравствует Примо де Ривера, спаситель и мученик!», «Примо де Ривера не мертв!» — вот что они восклицали (ibid.: 71–72). Итак, хотя в роли репутационного предпринимателя (см. Зыгмонт, 2022) выступал один лишь Хосе Антонио, его слова падали на весьма благодатную почву.

Сами понятия для обозначения мученика обладают в разных языках тонкими оттенками смысла: например, во французском языке слово *martyr* может значить как «мученик», так и попросту «жертва чего-либо». Испанские слова *martir* и *martirio* также многозначны, однако по смыслу приближаются к русским терминам, заключающим в себе идею страдания. Поэтому если франко- и в некоторой степени англоязычные деятели опираются прежде всего на факт смерти мученика, то испано- и русскоязычным приходится подчеркивать еще и аспект страдания, которое он или она переживает до кончины. Поскольку смерть генерала в Париже была относительно мирной, Хосе Антонио был вынужден придумать ему некую особую муку и конкретных мучителей — и выбор пал на злопыхателей из числа испанских журналистов (Primo de Rivera, 1976: 137):

И вот этот человек — сильный, как великий боец, и чувствительный, как ребенок; человек, который мог, изнуря себя, шесть лет без отдыха сражаться за Испанию, не выдержал шести недель поношений. Однажды утром в Париже с испанской газетой в руке он склонил голову, увенчанную мученичеством, и покинул нас навсегда.

Вот еще несколько характерных, хотя и однообразных цитат о Примо де Ривере, взятых из статей и выступлений Хосе Антонио: «То была

милость Божья — забрать его в чертоги вечного мира. После кратко-го мученичества — отдохновение» (Primo de Rivera, 1976: 92); «...его образ — простой и сильный, как и его дух — возвысится в веках, великий, спокойный, источающий свет славы и мученичества» (ibid.); «Вся воскресшая Испания ощутит этот бегущий по жилам жар, который ее мученик хотел в нее вдохнуть» (ibid.: 154); «Лишь теперь он обретет покой — наилучшее отдохновение, которое Господь Бог дает героям, ставшим мучениками за грехи их поколения» (ibid.: 175). Настойчивость сына, с которой он утверждает, что смерть отца действительно была мученичеством, тем сильнее, что это неочевидно: она не была ни насильственной, ни особо мучительной, но именно эта смерть заставила Хосе Антонио поставить знак равенства между *caído* и *martir* — «павшим» и «мучеником» — и превратила молодого идеалиста, сына диктатора, в революционера и идеолога.

МУЧЕНИЧЕСТВО В ЭПОХУ «КРЕСТОВОГО ПОХОДА» ФРАНКО

В 1958 году в Испании был принят фундаментальный закон «О принципах национального движения» — один из тех, которые утвердили франкизм в качестве государственной идеологии. До тех пор термин «национальное движение» обозначал совокупность испанских правых сил; теперь же его определили как «сопричастие испанцев в идеалах, давших жизнь Крестовому походу [Cruzada]» (Ley de Principios del Movimiento Nacional de 1958, 1958). Так в пропаганде называлась Гражданская война, которую историк Майкл Ричардс обозначает как «учредительный миф государства Франко, определивший „нацию“ и ее „предназначение“» (Richards, 2002: 94). Националисты понимали это событие как борьбу между «подлинной Испанией» и «анти-Испанией», западной христианской цивилизацией и варварством, религией и безбожием. За месяц до начала войны в фалангистском журнале *No Importa: boletín de los días de persecución* («Любой ценой: вестник эпохи гонения») говорилось о «святом крестовом походе насилия» — и именно так понимали свое дело новые крестоносцы (Vincent, 1999: 77). Поскольку же именно радикальный дуализм в паре с сакрализацией насилия и легли в конечном счете в основание идеологии франкистского мученичества, нам следует остановиться на этой теме подробнее.

Несмотря на то что в итоге война стала «Крестовым походом», началась она совсем под другим знаменем. Восстание правых сил в июле 1936 года продолжало старую традицию *pronunciamiento* — государственного переворота, который осуществляют военные в расчете на

общественную поддержку (Raguer, Howson, 2007: 36–49). В прокламации генерала Франко от 18 июля 1936 года восстание объявлялось выступлением против анархии, голода и безработицы, попрания конституции, против перспективы коммунистической революции по советскому образцу, а также против регионализма и сепаратистских поползновений Астурии и Каталонии. В самом конце текста фигурировала даже французская революционная триада «братство, свобода, равенство» — именно в таком измененном виде (*Proclama del alzamiento por Franco...*, 1936). Однако поддержка оказалась неповсеместной, и быстрый переворот провалился. Страна оказалась разделена на две зоны — националистическую и республиканскую, а путч обернулся тысячедневной и кровопролитной гражданской войной.

Первыми, кто объявил эту борьбу священной, были мусульмане, а именно молодой халиф испанской зоны Марокко Мулай эль Хасан бен эль Мехди; соответственно, в его устах это было формальным объявлением джихада, а для его подданных это означало возможность «наконец-то поубивать евреев» (Raguer, Howson, 2007: 51). Учитывая, что для католиков война отсылала прежде всего к Реконките, ситуация ироничная. Еще раньше подобная идея витала среди правых радикалов: «Те, кто примет участие в этом крестовом походе, должны быть проникнуты духом служения и самопожертвования» — говорилось в «Исходных принципах» Испанской фаланги 1933 года (Primo de Rivera, 1976: 185). Однако в итоге именем «Крестовый поход» конфликт обязан Церкви, которая почти что единодушно поддержала националистов. Первенство в этом определении принадлежит Энрике Пла-и-Дениелю — тогда епископу Саламанки, а впоследствии архиепископу Толедо и прimate всей Испании. В сентябре 1936 года он выпустил пастырское обращение *De las dos ciudades* («О двух градах»), где обратился к старой августиновской теологеме двух воинствующих градов, которые отождествил с двумя противоборствующими сторонами (*La dictadura franquista...*, 1997: 314):

...сегодня на испанской земле столкнулись в жестокой борьбе две концепции жизни, два чувства, две силы, готовые ко вселенской борьбе во всех народах земли: два града, которые гений гишпонского орла, отец философии истории святой Августин замечательно описал в своем бессмертном труде «О Граде Божьем»: два града созданы двумя родами любви: земной — любовью к себе до презрения к Богу; небесный — любовью к Богу до презрения к себе.

Эти две любви, кои в зародыше всегда присутствуют в человечестве во все эпохи, достигли своей полноты в Испании, в дни нашей жизни. Коммунизм и анархизм суть настоящее идолопоклонство, ведущее к презрению, ненависти

к Господу Богу нашему; и напротив них неожиданным образом расцвели героизм и мученичество, так что люди в своей возвышенной любви к Богу и Испании приносят в жертву всеожожения собственные жизни.

Посему, как утверждает Пла-и-Дениель далее, нынешняя война не имеет в виду «ни династических вопросов, ни форм правления; это крестовый поход против коммунизма за спасение религии, отечества и семьи», и все князья Церкви должны его благословить и всячески приветствовать (La dictadura franquista..., 1997: 315). Главная причина выступления заявлена в тексте вполне ясно и отражает отношение всей испанской церкви: местным иерархам очень хотелось конфессиональности и, напротив, очень не хотелось секуляризма и атеизма, по их мнению античеловеческого и антисоциального. Принимая во внимание, что в период войны республиканцы убили более 7500 церковников (4184 священника, более 2500 монашествующих и 13 епископов), такое отношение, хотя бы и предварительное, вполне понятно (Anderson, 2011: 359). Конфессиональность Испании они будут отстаивать и впредь даже на Втором Ватиканском соборе, агрессивно выступая против идей веротерпимости и агитируя за «особый случай» Испании.

Церковь поддержала правых почти что единодушно: в июле многие католики пошли воевать добровольцами, а в храмах возносили молитвы за успех восстания. На фоне этой общей картины исключение составили лишь те регионы, где были свои национализмы — в частности Каталония и Страна Басков. «Важно проговорить это предельно четко и ясно: восставшие не просили Церковь поддержать их; церковь сама, и очень рано, предложила свою поддержку — всем телом и душой», — пишет историк Илари Рагер (Rager, Howson, 2007: 48). И лишь затем эту идею «Крестового похода» принял Франко, который расценил ее как уместную по двум причинам. Во-первых, из-за провала *pronunciamiento*: все должно было закончиться быстро, но этого не произошло, и затяжной конфликт потребовал идеологии, которая предоставила бы ему легитимацию и средства мобилизации. Во-вторых, церковная поддержка означала помощь, в том числе финансовую, из-за рубежа, от которой зависели обе конфликтующие стороны.

Именно по этим причинам в 1937 году Франко попросил Исидро Гома-и-Томаса — архиепископа Толедо, примаса Испании, кардинала и убежденного националиста — подготовить от лица испанского епископата коллективное письмо, которое было бы адресовано всему католическому миру и содержало бы разъяснение происходящего в стране

и мольбу о помощи. Всего пять епископов не подписали этот документ, когда он был составлен. Впрочем, он не только не утверждал, но и прямо отвергал, что эта война может носить звание «Крестового похода» (*Carta colectiva...*, 1947: 111):

Церковь, даже будучи дочерью Князя мира, благословляла военные знамена, основывала военные ордены и устраивала Крестовые походы против врагов веры. Это не наш случай. Церковь не хотела этой войны и не искала ее.

Это отрицание объясняется прежде всего прагматикой текста: католики за рубежом могли не оценить того крестоносного пыла, который бушевал в испанских националистах. Однако за исключением самого названия полярное богословие Пла-и-Дениеля присутствует здесь в полном объеме (*ibid.*: 111, 118):

Разумеется, тысячи ее [Церкви] сынов, повинувшись велению своей совести и патриотизма, по зову личной ответственности восстали с оружием в руках, дабы спасти принципы религии и христианской справедливости, кои на протяжении веков пронизывали жизнь Нации. [...] Бескровная борьба на выборах в феврале 1936 года, когда отсутствие политического сознания у национального правительства дало революционным силам случайно заполучить победу, которой они не смогли добиться в ходе голосования, превратилась благодаря гражданско-военному конфликту в жестокую борьбу народа, разделенного на два лагеря: духовный — на стороне восставших, которые встали на защиту порядка, мира в обществе, традиционной цивилизации и родины, а также весьма ощутимо и в значительной мере на защиту религии, и лагерь материалистический, назовите его марксистским, коммунистическим или анархистским, который стремился заменить старую цивилизацию Испании во всей ее полноте на новейшую «цивилизацию» русских советов.

Насельники земного града предстают одержимыми, в которых «воплотилась... ненависть адова к Иисусу Христу и Деве Марии». Церковь, с другой стороны, оказывается невинной жертвой, просявшей сонмом мучеников. В целом же текст пронизан националистической риторикой, и он удостаивает восстание похвалы. Концепция войны как «Крестового похода» все-таки утвердилась вопреки любым умолчаниям этого текста. Так, например, 21 мая 1939 года, спустя полтора месяца после победы, Пла-и-Дениель выпустил пастырское обращение «Триумф града Божьего и воскресение Испании», в котором он заявил о об «окончании победоносного крестового похода за Бога и за Испанию» (Martínez, 2006: 5). Когда же папа Римский Пий XII поздравил Франко с «победой

католической Испании», тот в своем ответе назвал войну «крестовым походом против врагов Религии, Отечества и христианской цивилизации» (Raguer, Howson, 2007: 314).

Позиция предыдущего папы Пия XI была намного более двусмысленной, но также абсорбировалась националистической пропагандой и, что важнее для нас, повлияла на становление идеологии франкистского мученичества. Одним из ключевых документов в этой связи стала речь папы, произнесенная 14 сентября 1936 года в Кастель-Гандольфо перед испанскими клириками-беженцами. Самые ярые националисты остались ей недовольны, поскольку надеялись, что понтифик окрестит войну «священным походом»; вместо этого он процитировал слова из Откровения о «великой скорби» (7:14), выразив ужас пред лицом братоубийственной жестокости и надежду на то, что над Испанией вскоре протянется «радуга мира». Однако в его речи все-таки прозвучало несколько фраз, которые франкисты сумели использовать в своих интересах. Во-первых, он осудил коммунизм, хотя и иносказательно — назвав его «абсурдной разрушительной идеологией», являющей «подлинную и сатанинскую ненависть к Богу и искупленному Им человечеству, направленную против Религии и Католической Церкви» (*Allocuzione di sua santità Pio XI...*, 1936). Во-вторых, в этой речи Пия XI впервые прозвучала идея о том, что пострадавшие от гонений испанские священнослужители являются мучениками: «Все это — сияние христианских и священнических добродетелей, героизма и мученичества; подлинного мученичества во всем священном и славном смысле этого слова» (*ibid.*). Эту цитату франкисты будут повторять на все лады. В частности, ее приводят епископы в коллективном письме 1937 года, но если папа говорил только о мученичестве клириков, то авторы письма распространяют это понятие на «национальное движение» в целом (*Carta colectiva...*, 1947: 126):

Внутри национального движения произошло удивительное явление мученичества — подлинного мученичества, как сказал Папа, — тысяч испанцев: священников, монашествующих и секулярных клириков; и в будущем под угрозой огромной политической ответственности это свидетельство крови должно повлиять на тех, кто, сложив оружие, будет строить новое государство в мирной тишине.

Как пишет историк Мэри Винсент, «именно в конструировании мученичества вся эта идея крестового похода обретала предельное воплощение» (Vincent, 1999: 71). Мучениками становились, с одной стороны,

клирики и простые верующие, вполне классически пострадавшие от безбожников; с другой — солдаты из лагеря националистов, погибшие на фронте или в тылу. Две этих категории смешивались и дополняли друг друга: первая проецировала на вторую ореол христианства, а вторая на первую — ратный подвиг, и обе обозначались при помощи одной технической формулы — «мученик за Бога и Испанию». Это смешение выражалось также и в том, что условно светское понятие героизма часто ставилось рядом со вполне религиозным понятием мученичества. Об этом высказывался понтифик, и это же говорил Пла-и-Дениель в «Двух градах» (*La dictadura franquista...*, 1997: 314):

И пред лицом [коммунизма и анархизма] неожиданным образом просияли герои и мученики, которые из возвышенной любви к Испании и Богу отдали на всеожожение собственные жизни.

Он же обосновал это отождествление с точки зрения канонического права, заявив, что у таких людей есть *заслуга*, но не *привилегия* мученичества; иначе говоря, они мученики де-факто, но не де-юре.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о природе франкистской идеологии национального мученичества и самого франкизма. В значительной мере этот вопрос касается соотношения между влияниями Испанской фаланги, Церкви и «третьих сил», хотя на идеологию жертвенности во франкизме повлияли они все. С одной стороны, историк Пабло А. Брайсотти утверждает, что

фундамент той политической религии, которая развивалась в Гражданскую войну, заложен в 1933–1936 годы — период, когда Фаланга превратила смерть в важнейшее орудие легитимации партии (Braisotti, 2016: 150).

С другой стороны, З. Бокс и И. Саз полагают, что политическая религия Хосе Антонио кардинальным образом отличалась от национал-католицизма Франко (Box and Saz, 2011). В конечном же счете, как отмечает в отдельной статье Зира Бокс, франкизм оформился как синтез и компромисс между этими крайностями: фалангистским обожествлением нации и церковным католичеством. Именно этим сочетанием определялась гражданская религия, которая зародилась в эпоху войны 1936–1939 годов (Box, 2005: 192–193), и мученичество составляло ее интегральную часть. «Как много в наши дни мучеников в Испании! Что за предивная процессия епископов, священников, монашествующих, дев, крестоносцев! Да вся Испания ныне — мученица!» — писал каноник Кастро Альбарран (Raguer, Howson, 2007: 69). Здесь мы видим

кратчайшее выражение этого союза между церковниками и армией, преобразившего обе стороны и определившего суть будущего режима.

«Франкистский синтез» не только породил множество гибридных культурных форм, но и заставил меняться существующие. Помимо всего прочего, это проявилось в идеологизации и милитаризации церковной жизни — например в изменившемся смысле таинства конфирмации (миропомазания), которое у католиков совершается уже в сознательном возрасте. Если ранее он означал принятие в лоно Церкви, то теперь, по словам Пла-и-Дениеля, обратился в «посвящение в солдаты Христовой армии», которое позволяет «стяжать Дары Святого Духа, необходимые для героического мученичества» (Vincent, 1999: 86). В самый разгар войны, в ноябре 1938 года, был издан декрет, предписывающий помещать имена франкистских мучеников в церквях под крестом — на манер списков, которые покрывали красно-черные стяги Испанской фаланги. На вершине списка традиционно красовалось имя Примо де Риверы (Casanova, 2001: 298). Католические особые дни — например Страстная Пятница и Святая Седмица — обогащались жертвенными смыслами, относившимися к армии националистов. Монашествующие и в особенности иезуиты продвигали культы собственных мучеников, как правило посвящая их Деве Марии и почитая их наряду с павшими воинами.

Параллельно с церковной линией мученичества в национальном движении существовала и еще одна — политико-военная. Первомучеником движения считается Хосе Кальво Сотело — политик, адвокат и экономист, занимавший различные должности в правительстве Мигеля Примо де Риверы. После свержения диктатуры он ушел в оппозицию и в 1936 году на выборах в кортесы — испанский парламент — стал депутатом от Национального блока. 13 июля 1936 года Кальво Сотело был арестован по распоряжению властей и убит парой выстрелов во время того, как он находился в полицейской машине. Именно его гибель стала одним из факторов, побудивших Франко начать восстание: когда ему принесли эту скверную весть, он якобы заявил: «Еще один мученик Отечества. Ждать больше нельзя. Это сигнал!» (Preston, 1993: 159) На памятнике в Мадриде Кальво Сотело изображен разрывающим цепи рабства, что достаточно иронично, если учесть их республиканские коннотации. Еще тремя мучениками в период Гражданской войны стали генералы Хосе Санхурхо, Эмилио Мола и Мануэль Годед. Санхурхо и Мола активно участвовали в подготовке бунта и погибли в 1936 и 1937 годах соответственно при подозрительно схожих обстоятельствах — в авиакатастрофе. Поскольку Мола был главным

соперником Франко, высказывались теории, что это убийство — дело рук будущего диктатора, но доказательств этому нет. Что касается Годеда, то он был взят в плен и казнен в августе 1936 года в крепости Монжуик близ Барселоны.

Из-за высокого статуса рассматриваемых «павших» распространено мнение, что идеология национального мученичества в Испании периода Гражданской войны была целиком спущена франкистами сверху в мобилизационных целях, но на сей счет существует и альтернативная точка зрения, высказываемая, например, историком Питером Андерсоном. По его словам, культ мучеников был «одним из важнейших способов, посредством которого низы могли идентифицироваться с режимом» (Anderson, 2011: 356). Война была трагедией, и многие теряли в ней своих близких; идея мученичества позволяла осмыслить их смерть как необходимую и плодотворную и поэтому находила живой отклик в преимущественно католическом народе. На похоронах скорбящим родным говорили, что их убитые — мученики за Испанию и их жертва поможет уничтожить республиканских варваров, а также обеспечить стране духовное возрождение. Доказательством этого живого отклика служит то, что рядовые националисты возводили в деревнях памятники своим мученикам, по собственной инициативе составляли перечни жертв, которые помещали в церквях, и демонстрировали глубокое восприятие этой идеи в личной переписке (ibid.: 363–364). Наконец, важнейшей формой памяти об усопших, как отмечает Андерсон, стала месть, превращавшая абстрактную борьбу с врагом в личную миссию.

Однако же главным мучеником «Крестового похода» стал Хосе Антонио, имя которого увенчивало висевшие под крестами списки. Предводитель Фаланги был арестован властями 14 марта 1936 года по обвинению в незаконном хранении оружия; 3 октября, после начала восстания, его обвинили в заговоре против государства и в организации военного переворота, а 20 ноября расстреляли в тюрьме города Аликанте. Чтобы не подрывать боевой дух, а в еще большей степени — не нарушать темпы призыва, командование националистов долго хранило его смерть в тайне. В этот период фалангисты называли своего лидера *el ausente* («отсутствующий») и надеялись, что когда-нибудь он вернется и спасет Испанию (Thomàs, 2019: 351–352). «Присутствующим», то есть безвозвратно погибшим, его признали лишь 18 июля 1938 года, когда Франко выступил на Национальном радио Испании с заявлением, что Хосе Антонио «погиб в руках врага» как «преславный мученик Крестового похода» (ibid.: 357).

Сторонники Хосе Антонио называли его «апостолом национал-синдикализма», «пророком», «мессией» и «искупительной жертвой» за грехи народа еще в период тюремного заключения. Поскольку в отличие от смертей Кальво Сотело, Молы или Годада его гибель не была внезапной, а также поскольку он умер в знаменательном возрасте (33 года), более всего напрашивалось сравнение со Христом. Некоторым его почитателям было достаточно самого факта его смерти в определенных обстоятельствах: «Тот, кто берется предсказать будущее искупление народа и готов умереть за дух, борясь с плотью, в итоге, не желая того, подражает Христу» (Вох, 2005: 194). Другие развивали сравнение со Страстями (*ibid.*):

Я видел площадку, на которой его расстреляли, и земля ее пахла для меня кровью... его тело покоилось среди роз и гераней — багряных, как кровь его мученичества. И все вокруг напоминало христианскую драму Страстей. Тот же библейский, иудейский пейзаж Палестины. Крутые, бесплодные, голые склоны. Те же лица иудеев и фарисеев, обезображенные их отвратительным преступлением. И вот посередине солнца и небесной синевы, а равно и кажущейся мирною сцены я вижу нависший над тобой, о град Аликанте, ужасный грех этого распятия.

Будучи хриstopодобной фигурой, Хосе Антонио повторил и чудо воскресения, разве что не собственного: вместо него «воскресла» нация. Жизнь героя «была принесена Испании в жертву всеожжения» (*ibid.*: 215), утвердила Победу и поспособствовала воссозданию национально-го единства. Как отмечает Зира Бокс, кульминацией апофеоза Хосе Антонио стало торжественное перенесение его «мощей» из тюрьмы Аликанте в Эскориал — монастырь-усыпальницу королевской семьи. Оно сопровождалось грандиозным национально-религиозным обрядом, засвидетельствовавшим о компромиссе фашистов с церковниками, который и стал основой оформлявшегося тогда «франкистского синтеза» (*ibid.*: 214–216). Самому Франко, который за глаза считал Хосе Антонио болтуном и пижоном, он был гораздо полезнее мертвым, чем живым. «...Тысячекратно благословенна кровь, принесшая нам искупление», — утверждал каудильо в 1946 году в Астурии.

По частоте отсылок к мученикам Франко и его соратников можно сравнить разве что с деятелями Французской революции. Впрочем, функционал у этих репетативных упоминаний с XVIII века не изменился — легитимация и мобилизация. «Я говорю от имени наших 400 тысяч братьев, умученных от врагов Божьих», — заявлял в 1938 году Рамон

Серрано Суньер, приятель Хосе Антонио и министр внутренних дел в правительстве Франко (Raguer, Howson, 2007: 219). Сам будущий диктатор, в свою очередь, утверждал: «Править будут сотни тысяч наших усопших» (Anderson, 2011: 361). Это заставляет вспомнить о символической алхимии представительства и «тайне министерства» в социологии Пьера Бурдьё (Бурдьё, Шматко, 2014: 41). Однако и многие другие испанские деятели осознавали, что режим Франко в символическом отношении стоит на костях мучеников. Наилучшим образом это выразил писатель и дипломат Эрнесто Хименес Кабальеро (Thomàs, 2019: 369):

Наш лидер мертв! (О, Хосе Антонио!) И сегодня я возглашаю за весь народ: «Да здравствует наш лидер!» Франко! 20 ноября 1936 года наш лидер Хосе Антонио умер, но восстал в лице нашего лидера Франко и национальной боевой Фаланги. И вот, когда сегодня я от лица нации кричу: «Да здравствует Франко!» — то говорю: «Хосе Антонио живет в нем! Да здравствует Испания!» Здесь на земле — и в небесах, во славе Божьей.

Первое упоминание мучеников в речах Франко датируется 1937 годом, когда он изложил программу новой политики — в том числе религиозной. Он говорит (*Discursos de Francisco Franco*, 2023):

Лютым гонениям со стороны марксистов и коммунистов на то, что отражает бытие духовности, веры и культа, мы противопоставляем чувство католической Испании с ее Святыми и Мучениками.

Однако кого конкретно он имеет при этом в виду, остается неясным. Все становится на свои места в его речи, посвященной объединению Испанской фаланги с карлистами 19 апреля 1937 года. Речь начинается с посвящения мученикам (*ibid.*):

Ради священного имени Испании и во имя тех, кто на протяжении веков умирал за Испанию — великую, единственную, свободную и вселенскую, я обращаюсь к нашему народу.

И далее Франко заявляет, что мартиролог «Испанской фаланги в последнее время настолько же свят и могуч, сколь и мученики древней истории» (*ibid.*). В отличие от французов или американцев, которым в такой же ситуации мобилизации требовалось переосмысливать образ Христа или тревожить тени Брута и Катона, генерал свободно обращается к ресурсам христианской традиции, так что его выступление продолжается и заканчивается отсылкой к учредительной силе жертвы (*ibid.*):

...тогда мы сможем сказать нашим павшим и нашим мученикам: ваша кровь принесла плоды, потому что из Испании, находившейся между жизнью и смертью, вы создали Испанию, о которой грезили.

И в самом конце (*Discursos de Francisco Franco, 2023*):

И на полях брани, где огнем сверкало оружие и текла кровь героев, мы воздвигнем стелы и памятники с выбитыми на них именами тех, кто смертью своей день за днем выковывал храм Новой Испании.

В других его речах образ крови мучеников позволяет соединить прошлое и настоящее с будущим, как бы восстанавливая распавшуюся связь времен: «Во главе легиона наших павших — благословенная Кровь героев и мучеников, Обетование будущего» — говорил Франко в первую годовщину смерти фалангиста Онесимо Редондо (*ibid.*).

Постепенно образ крови мучеников появлялся и в других темах, которые беспокоили националистов еще изначально, — например в теме сепаратизма. В речи, произнесенной в день взятия Бильбао — столицы Страны Басков, где в 1937 году велась активная военная кампания, — Франко за несколько минут умудряется четырежды упомянуть тех, чья кровь становится гарантом испанского единства (*ibid.*):

Золото ваших символических жатв и блеск вашей славы, окаймленные поло-сами сынов Испании, героев и мучеников, образуют национальный флаг... это символ географического могущества, символ единства... утверждение и гарантия тысяч мучеников и героев, что с сепаратизмом покончено и теперь есть лишь вечное и бессмертное — есть Испания. [...]

...Ибо они клянутся на крови своих сынов — мучеников Религии и Общего Дела, и поэтому я прошу вас устремить сердца свои к павшим в борьбе, подлинным мученикам Общего Дела Испании.

Было бы совершенно неудивительно, если бы после конца 1930-х — начала 1940-х мученики исчезли из речей Франко за ненадобностью. Этого не случилось: кровь павших героев продолжала символически подпитывать режим еще более четверти века, однако уже в другом, более мирно-рутинном, смысле, что удобно проследить по новогодним обращениям каудильо к нации. О том, какое значение для франкизма имеет кровь мучеников, открыто говорилось в обращении конца 1948 года — а именно в разделе о «преемственности режима»: пролитая на войне кровь мучеников представлялись в речи священным залогом единства испанской истории и гарантом легитимности нынешнего режима в его

преемственности ко всем прежним и будущим. В 1951–1952 годах утверждалось, что мученичество гарантирует испанцам первенство среди католических народов мира и обосновывает благородные притязания самой Испании; в конце 1961 года Франко заявлял, что кровь мучеников сделала возможным «то, что невежды именуют „испанским чудом“», — имеется в виду феноменальный рост испанской экономики с 1959 по 1973 год (Mensajes de final de año de Francisco Franco, 2023). Новогоднее обращение каудильо от 30 декабря 1964 года завершается призывом помнить о павших: «...испанцы по опыту знают, что нет ничего плодороднее крови мучеников». И далее (ibid.):

...давайте посвятим наши самые теплые воспоминания героям и мученикам нашего Крестового похода — кузнецам нашего мира, присутствующим в этот час в памяти стольких испанских домов.

Сам подбор слов весьма характерен: помимо навязчиво частого использования местоимения «наш», которое превращает его равно в слово-паразит и маятник на сеансе политического гипноза, Франко называет мучеников «присутствующими в памяти» [present en el recuerdo], что заставляет вспомнить об их метафизическом «присутствии» на фалангистских собраниях. Последнее новогоднее упоминание мучеников относится к 1966 году, когда каудильо описывал одинаковый состав испанского народа в разные исторические эпохи: в народе представлено то же количество «героев и мучеников, ученых и инженеров, рабочих и честных крестьян», но его политическое состояние меняется и зависит от благонадежности конкретных режимов. Здесь Франко, насколько можно понять эту фразу, ставит себе в заслугу то, насколько рачительно он использовал плодоносную кровь мучеников на благо народа. С одной стороны, мученичество здесь рутинизируется, обслуживая уже не военные, а мирные нужды, с другой — можно поразиться устойчивости этой идеологии, сохранившейся даже спустя несколько десятилетий после окончания войны и эпохи мобилизации.

ОТ ДОЛИНЫ ПАВШИХ ДО ЗАКОНА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Такая рутинизация национального мученичества — процесс известный и неизбежный: в качестве механизма легитимации и мобилизации оно оформляет полярное разделение на жертв и гонителей, парадоксальным образом провоцируя насилие к последним. Вскоре после окончания Второй мировой войны (в которую Испания не вступила лишь потому, что Гитлер не удовлетворил требованиям Франко, см. Suárez Fernández,

1986: 153–154) возникла необходимость внутреннего «замирения» двух враждующих лагерей — хотя бы формального и частичного. Каудильо хорошо это осознал, поэтому в 1945–1971 годах он выпустил тринадцать указов о помиловании заключенных и бежавших республиканцев, которых после 1939 года в сумме насчитывалось до миллиона (Бивор, Кабалкин, 2019: 639–641). Цель документов проговаривалась вполне четко: похоронить конфликт, нормализовать жизнь испанцев, простить и забыть, чтобы вместе идти вперед. Представляется, впрочем, что на стремление к компромиссу его сподвиг не только внутренний кризис, но и поражение стран «оси».

Итак, с одной стороны был воинственный культ мучеников «Крестового похода», предполагавший бескомпромиссное деление на героев и злых супостатов; с другой — необходимость хотя бы частичного примирения. Это противоречие долгие годы зияло в самом центре проекта Долины Павших — грандиозного монумента в горах Гвадаррамы в 58 километрах от Мадрида. Вопреки тому, что на момент открытия в 1959 году туда перенесли останки нескольких тысяч католиков-республиканцев, изначально базилика предназначалась только для героев и мучеников — то есть победителей. Идея проекта зародилась еще в 1936 году, в самом начале войны, у троих националистов и предполагала построение фараонского монумента в честь грядущей победы в форме пирамиды с триумфальной аркой, изобилующей христианской символикой. Описание всей концепции было опубликовано в 1940 году в газете *Véztice*. В центре комплекса планировалось поместить гробницу, «но не демократического неизвестного солдата, а уникального героя» (Буено, 2013: 55), в чем проявляется характерная полемика с практикой, распространившейся после Первой мировой. Хотя этот изначальный проект и не был реализован, идея витала в воздухе и вскоре ее — именно в героически-мученическом ключе — присвоил себе Франко. Это измерение памятника ясно утверждает преамбула декрета, который был издан 1 апреля 1940 года (в годовщину победы) и положил начало монументальному долгострою (Decreto de 1 de abril de 1940..., 1940: 2240):

Масштабы нашего Крестового похода, героические жертвы во имя Победы и то величайшее значение, которое эти эпические события имеют для будущего Испании, невозможно увековечить скромными памятниками...

Необходимо, чтобы воздвигнутые строения обладали величием древних монументов, которые бросают вызов времени и забвению и представляют собой места размышления и отдохновения, где будущие поколения воздадут должные почести тем, кто оставил им лучшую Испанию.

Таким целям отвечает выбор отдаленного места, на котором возвышался бы грандиозный храм наших мертвых, молящихся на протяжении веков за всех тех, кто пал на путях Бога и Отечества. Вечное место паломничества, где величие природы достойно оттеняет собою поле, на котором покоятся герои и мученики Крестового похода.

В последующие двадцать лет реализация этого плана обнаружит целый ряд трудностей политического, идеологического и чисто технического характера. Проблемы первого рода были связаны с опасениями, что захоронение в Долине только победителей увековечит в обществе ненависть и вражду. Так, в 1955 году родственник и неполный тезка каудильо Франсиско Франко Сальгадо-Араухо говорил о проекте (Salgado-Araujo, 1976: 118):

...гораздо более убедительным было бы создать крупный фонд, чтобы свести вместе всех детей жертв войны: со стороны белых — в качестве награды за жертву их родителей; в случае красных — для демонстрации того, что мы не питаем враждебных чувств к тем невинным, родители которых допустили ошибку.

Однако определяющую роль в вопросе о совместном захоронении жертв сыграла в конечном счете католическая церковь: поскольку проект предполагал построение базилики, монастыря и громадного креста, это пространство было не только гражданским, но и церковным. Так, епископ Мадрида Леопольдо Эйхо-и-Гарай, выражая несогласие по частному вопросу оформления комплекса, утверждал, что барельефы с героями и мучениками «материализуют ненависть, борьбу внутри Церкви, а внутри Церкви не должна материализоваться ни борьба людей, ни война, тем паче братоубийственная» (Sueiro, 1977: 158).

Учитывая, что Гражданская война превратилась в «Крестовый поход» именно благодаря католическим иерархам, эта позиция кажется странной. Тем не менее рассматривать ее как властный, хотя и запоздалый голос совести тоже не стоит. В конце концов, христианская церковь вела себя так начиная еще с эпохи Константина: в ходе конфликтов она поддерживала сильных мира сего, особенно если те выражали ее интересы, а впоследствии, будучи обласканной победителями и закрепленной в роли государственной институции, возвращалась к объединительной риторике мира. В итоге монастырь в Долине был открыт 1 апреля (День Победы), а в базилику попали далеко не все республиканцы — только

лишь добрые католики, так что дело ограничилось «своими». Подтверждает это и национал-католическая надпись в крипте: «ПАВШИЕ за Бога и Испанию. 1936–1939. RIP».

Груз доказательства, что тот или иной погибший был католиком, ложился на плечи родственников, от которых также нужно было одобрение. Первое требование — особенно трудное: многие республиканцы не исповедовали католицизм, либо их религиозной принадлежности не было документального подтверждения. Вдобавок некоторые семьи не желали, чтобы их близкие лежали рядом с убийцами. Примечательно, что от захоронения в Долине отказалась и семья первомученика Хосе Кальво-Сотело, который покоится в Мадриде на кладбище Ла Альмудена (Aguilar Fernández, 2002: 83). Еще более неловкой оказалась история с Хосе Антонио Примо де Ривера, чьи останки должны были стать духовным центром мемориального комплекса. Буквально накануне его открытия, 7 марта 1959 года, Франко направил сестре и брату Хосе Антонио — Пилар и Мигелю — запрос на разрешение перенести его тело из Эскориала в Долину Павших. Они согласились, попросив сделать все «приватно и тихо»⁴, однако же фалангисты, которые относились тогда к каудильо едва ли не открыто враждебно, оказались фраппированы: после грандиозной церемонии 1939 года, когда их мессию захоронили в усыпальнице королей, перенесение его «мошей» в Долину Павших казалось им оскорбительным, ведь там он покоился бы вместе с простыми солдатами и к тому же вперемешку с республиканцами. Поэтому, как пишет историк Брайан Крозье, «для тысяч фалангистов, собравшихся в вырубленной в скале базилике, торжественный обряд означал победу монархистов» (Crozier, 1967: 455). Вдобавок в 1959 году, уже после перенесения останков Хосе Антонио, Франко позволил себе не прийти на мессу в день его памяти, 20 ноября, хотя раньше ее посещал (Vueno, 2013: 95).

Что касается технических вопросов оформления базилики, на их счет Франко пришлось спорить с архитектором Диего Мендесом. Каудильо хотел, чтобы она была украшена серией барельефов, которые запечатлели бы процессии героев и мучеников, а также славнейшие эпизоды войны; помимо этого, имена всех захороненных в крипте планировалось выбить на бронзовых пластинах и разместить вдоль стен. От первой идеи пришлось отказаться, чтобы «не разжигать ненависть и вражду в обществе», хотя в итоге героев и мучеников изобразили под

⁴Письмо Франко и ответ Пилар и Мигеля приводятся в Sueiro, 1977: 245–246.

куполом восходящими к небесной славе Христа Вседержителя. Вторая же не была реализована, потому что некоторые имена похороненных в братских могилах остались неизвестными, а также было неясно, как и в каком порядке вписывать имена республиканцев — посреди или после националистов (Sueiro, 1977: 237–238).

Речь, произнесенную Франко на открытии Долины Павших 1 апреля 1959 года, иногда называют реакционной, но он просто был абсолютно последователен и повторил то, что говорил все эти двадцать лет. В этом смысле его речь отражает изначальную концепцию монумента, никак не затронутую влиянием его окружения, церковников или общества в целом. Так, он заявил, что война была отнюдь не гражданским конфликтом, а подлинным и освободительным «Крестовым походом», который к тому же просиял светом мученичества (*Discurso en la inauguración...*, 1959):

Они принесли в жертву свои драгоценные жизни не затем, чтобы мы могли отдохнуть. Они требуют, чтобы мы верно охраняли то, за что они погибли; чтобы нашими силами из поколения в поколение жили уроки Истории, дабы сделать плодотворной ту кровь, которую они щедро пролили, и чтобы, как сказал Хосе Антонио, это была последняя кровь, пролитая в конфликтах между испанцами.

Как отмечает Палома Агилар Фернандес, потребность во внутреннем покое дополнялась необходимостью соответствовать внешним нормам приличия, то есть новому контексту дружественного сосуществования с демократическим миром — в 1955 году Испания даже вступила в ООН. Поэтому в ход шли увертки и лицемерие: исследовательница отмечает, например, расхождения между испанской и английской версиями путеводителя по Долине: в первой говорилось о тех, кто «отдал жизнь за Испанию в Крестовом походе», во второй — обо всех людях, погибших в Гражданской войне в Испании за свои идеалы, какими бы они ни были (Aguilar Fernández, 2002: 81). Однако же, несмотря на все эти разночтения, монументальный комплекс был и остается памятником триумфа, а не общенародной трагедии или тем более свершившегося примирения.

После смерти Франко в 1975 году его также захоронили в Долине Павших, формально — в соответствии с приказом короля Хуана Карлоса I. Вопрос о том, действительно ли каудильо этого хотел и даже специально готовил себе место поближе к алтарю, остается дискуссионным. В пользу этого мнения свидетельствуют Диего Мендес и Хусто Перес де Урбель —

первый настоятель базилики Святого Креста в центре Долины (Sueiro, 2006: 208–209). С другой стороны, каудильо соорудил в Эль-Пардо — бывшем монаршем дворце в Мадриде, который стал его любимой резиденцией, — семейный склеп, и его вдова с детьми настаивали, что он желал быть похороненным там. Вдобавок в его архиве есть записка, где он указывает: «...для солдата вроде меня подобающим и достойным захоронением будет любое место в Испании с простым деревянным крестом» (Olmeda, 2009: 337). Поэтому исследователи предполагают, что сам Франко так и не определился с выбором и решение могло быть принято за него (Bueno, 2013: 95–96). Определенную роль мог сыграть символизм даты: 20 ноября 1975 года скончался Франко, а в этот же день в 1936 году, за 39 лет до этого, был казнен Хосе Антонио.

На протяжении более сорока лет Долина Павших как бы «заморозилась» в своей двусмысленности, будучи могилой одновременно мучеников и их убийц, монументом франкизму и вполне несостоятельным символом примирения. В этом плане ее положение соответствовало принятому после смерти Франко «пакту о забвении» — отказу демократического правительства ворошить прошлое страны во имя будущего, подкрепленному частичной амнистией 1976 года и законом об амнистии 1977 года. Хотя власти и тратили огромные средства на компенсации жертвам Гражданской войны с республиканской стороны, не было ни судов, ни люстраций, ни возвращения отнятой собственности, а акты насилия в периоды войны и диктатуры не расследовались в качестве преступлений (Эшле, 2021: 168–169). Ситуация начала меняться лишь на рубеже 2000-х, причем «снизу»: в декабре 2000 года была основана Ассоциация восстановления исторической памяти (ARMH), которая занялась розыском пропавших в годы войны людей и эксгумацией останков из братских могил. Отзываясь на эти и другие общественные инициативы, власти в 2002–2003 годах осудили преследование политических оппонентов и провели акцию поминовения жертв диктатуры. Наконец, в 2007 году новое социалистическое правительство Хосе Луиса Родригеса Сапатеро приняло закон, известный как «Закон об исторической памяти», хотя полностью он назывался «О признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы Гражданской войны и Диктатуры». В целом закон осуждал диктатуру, расправы в период войны и дальнейшие репрессии, в частности Статья 16 была посвящена Долине Павших как символическому центру франкизма (Ley 52/2007, 2007):

1. Долина Павших будет управляться строго в соответствии с общими нормами, относящимися к местам отправления культа и общественным кладбищам.
2. Нигде в ее границах не допускается проводить акции политического характера или иные мероприятия, прославляющие Гражданскую войну, ее действующих лиц или франкизм.

Для нас важнее всего не то, что новый курс восстановил «историческую правду» или озаботился справедливостью, — намного существеннее, что данный закон был направлен против культа мучеников как одного из главных столпов франкизма, причем сразу в целом ряде его выражений: (1) фактическом (признание значимых жертв лишь за одной стороной); (2) идеологическом (идентификация их в качестве героев и мучеников); (3) топонимическом (фиксация их памяти в названиях городских объектов); (4) культовом (политические акции в их честь) и (5) контекстуальном (поскольку почитание мучеников связано с запрещенным отныне одобрением диктатуры). Признание того, что жертвы были с обеих сторон, обе из которых применяли насилие, означает десакрализацию мертвых и отказ от характерной для мученичества биполярной картины мира, связанной с воинственностью и идеей мести.

В целом можно сказать, что с начала XXI века и по сей день в Испании проводится политика «демартиризации», связанная с преодолением наследия диктатуры. Для этого в первую очередь уничтожается ее символическая инфраструктура, зачастую связанная с культом павших: так, например, Кладбище мучеников в Мадриде, где некогда был установлен щит с фалангистскими символами, после принятия закона 2007 года переименовали по названию района Аравака, где оно находится (Умрихин, 2015). Центром этого культа остается, однако же, Долина Павших. В 2019 году оттуда после продолжительной дискуссии были вынесены останки Франко, которого похоронили на кладбище Мингоруब्био в Мадриде, неподалеку от его резиденции Эль-Пардо. Некоторые борцы с франкистским наследием утверждают, что «необходимо уничтожить нынешнее символическое значение» Долины Павших и относиться к ней не как к месту почитания мучеников, но как к месту исторической памяти (Бывший судья..., 2015). Само это понятие, однако, представляется нам глубоко проблемным: оно более активистское, чем научное, и в этом смысле необъективное и совершенно безусловное. Это прежде всего политика: восстановление исторической памяти означает борьбу со старыми нарративами, демонтаж монументов и памятных досок, переименование улиц и населенных пунктов, цензурные меры, ограничения

собраний, решения в сфере уголовной ответственности и прочее. В зависимости от контекста законы об исторической памяти могут быть направлены как на десакрализацию жертв (как в Испании), так и на их сакрализацию — как в российском законе, принятом 5 мая 2021 года. Было бы неверным предполагать, что восстановление исторической памяти отражает некие всеобщие чаяния и воскрешает личную память в противовес идеологии: для многих семей культ героев и мучеников *и был* такой личной памятью (Anderson, 2011: 364–365; Vincent, 1999).

Исходя из этого, историческую память можно рассматривать как парадигму, которая приходит на смену национальному мученичеству. Ее характеризует отказ от идеи жертвенного учреждения и сакрализации жертв, акцент на семейном и общественном, а не государственном начале, а также отказ от конфронтации и активной вооруженной борьбы. Впрочем, эта идея нуждается в более подробном рассмотрении, чем то, которое мы можем дать сейчас.

Надеемся, что в рамках статьи нам удалось описать, каким образом феномен национального мученичества повлиял на историю Испании в XX веке, в особенности на период Гражданской войны (1936–1939) и диктатуры Франко (1939–1975). Мы также отметили, что в Испании влияние трудного прошлого, несмотря на то что во многих других странах со схожим политическим опытом это не так, прослеживается по сей день, хотя с ним и ведется открытая борьба. Еще раз перечислим основные тезисы, к которым мы пришли по ходу изложения:

1. Культ национальных мучеников, который можно выразить формулой «за Бога и Испанию», сыграл определяющую роль в идеологии националистов эпохи Гражданской войны и затем превратился в один из интегральных элементов франкизма. Его основной смысл заключен в идее жертвенного учреждения: якобы мученики пролили кровь за создание новой Испании в качестве единой, сплоченной и мощной нации, а «мы» должны сохранять их наследие и продолжать их борьбу. В плане идеологии данный культ просуществовал вплоть до смерти Франко, а в качестве инфраструктуры (в названиях улиц и кладбищ, в виде мемориальных досок, памятных дней и так далее) он существует доныне, хотя и в сильно урезанном виде.

2. Рассматриваемый культ мучеников имел комплексный характер. С одной стороны, он покоился на твердом фундаменте «старого» национального мученичества XIX века и впитал идеологию ряда локальных групп. С другой — с 1936 года он разрабатывался как бы походя, складываясь из влияний со стороны Испанской фаланги и Церкви, а также процессов политической инструментализации со стороны армии. Именно синергия между группами фашистов, церковников и военных в конечном счете определила уникальность испанского мученичества и позволила столь гладко вписать его в новый режим.
3. После окончания Гражданской войны франкистская идеология мученичества, изначально милитаристская, претерпевала изменения и обратилась на мирные нужды, такие как обоснование экономического успеха. Отчасти это было связано также с задачей вхождения Испании в «семью цивилизованных наций» в третьей четверти XX века.
4. Политику правительства Испании начиная с XXI века можно охарактеризовать как «демартиризацию», поскольку она предполагает окончательное, хотя и постепенное уничтожение франкистского культа мучеников. Главной проблемой, несмотря на ряд принятых в его отношении мер, остается мемориальный комплекс Долина Павших. Можно предположить, что у окончательной «демартизации» страны, по крайней мере на официальном уровне, есть условие *sine qua non* — перезахоронение Хосе Антонио, которое устранило бы символический центр диктаторского режима. Несмотря на то что призывы к этому раздаются еще с середины 2010-х, реальных планов на этот счет нет — а значит, франкистские мученики по-прежнему остаются в культурном поле Испании.

ЛИТЕРАТУРА

- Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939 / пер. с англ. А. Кабалкина. — М. : Колibri, Азбука-Аттикус, 2019.
- Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» : пер. с фр. // Социальное пространство : поля и практики / П. Бурдьё ; под ред. Н. А. Шматко. — СПб. : Алетейя, 2014. — С. 55–95.
- Бывший судья требует от властей Испании перезахоронить останки Франко / РИА Новости. — 2015. — URL: <https://ria.ru/20151119/1324474371.html> (дата обр. 30 янв. 2023).

- Зыгмонт А. И.* «Dulce et decorum est» : феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX вв. // Социологическое обозрение. — 2019. — № 3. — С. 143–171.
- Зыгмонт А. И.* Национальное мученичество в эпоху Французской революции XVIII века : опыт социологического анализа // Социология власти. — 2021. — № 2. — С. 31–58.
- Зыгмонт А. И.* Мученичество как репутационный проект : кто и как «делает» мучеников // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 1. — С. 198–225.
- Примо де Ривера Х. А.* Стрелы Фаланги. Избранные труды / пер. с исп. А. М. Иванова. — М. : «Слава!», 2010.
- Уррихин А.* Испания без «орлов» : как в Мадриде борются с символами франкизма / Regnum. — 2015. — URL: <https://regnum.ru/news/society/3421754.html> (дата обр. 30 янв. 2023).
- Эппле Н.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. — М. : Новое литературное обозрение, 2021.
- 82 Aniversario del asesinato de Matías Montero / Fundación Nacional Francisco Franco. — 2019. — URL: <https://fnff.es/historia/56243752/2o-aniversario-del-asesinato-de-matias-montero.html> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Aguila P., Ramirez-Bara C.* Amnesty and Reparations without Truth or Justice in Spain // Transitional Justice and Memory in Europe (1945–2013) / ed. by N. Wouters. — Cambridge : Intersentia, 2014. — P. 99–258.
- Aguilar Fernández P.* Memory and Amnesia : The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy. — New York : Berghahn Books, 2002.
- Allocuzione di sua santità Pio XI ai vescovi, sacerdote, religiosi e fedeli profughi dalla Spagna, «La vostra presenza», 14 settembre 1936 / The Holy See. — 1936. — URL: https://www.vatican.va/content/pius-xi/it/speeches/documents/hf_p-xi_spe_19360914_vostra-presenza.html (visitato il 30 gen. 2023).
- Ameller V. y Castillo M.* Los mártires por la libertad española. Vol. 1. — Madrid : Imprenta de Luis García, 1853.
- Anderson P.* In the Name of the Martyrs : Memory and Retribution in Francoist Southern Spain, 1936–45 // Cultural and Social History. — 2011. — Vol. 8, no. 3. — P. 355–370.
- Box Z.* Pasión, muerte y glorificación de José Antonio Primo de Rivera // Historia del presente. — 2005. — Vol. 6. — P. 191–218.
- Box Z., Saz I.* Spanish Fascism as a Political Religion (1931–1941) // Politics, Religion & Ideology. — 2011. — Vol. 12, no. 4. — P. 371–389.
- Braisotti P.* Los «caídos» falangistas como germen de la religión política en España (1933–1936) // Historia del presente. — 2016. — Vol. 27. — P. 145–155.
- Bueno A.* Valle de los Caídos : A Monument to Defy Time and Oblivion // Memory and Cultural History of the Spanish Civil War : Realms of Oblivion / ed. by A. Morcillo. — Leiden : Brill, 2013. — P. 51–109.

- Carta colectiva del episcopado español a los obispos del mundo entero // La Iglesia y la Guerra Civil Española (Documentos Eclesiásticos). — Buenos Aires : Editorial Ver, 1947. — P. 105-135.
- Casanova J.* La Iglesia de Franco. — Madrid : Temas de Hoy, 2001.
- Crozier B.* Franco : A Biographical History. — NY : Little, Brown & Company, 1967.
- Cucalon y Escolano L.* Panteón de los mártires españoles sacrificados por la libertad e independencia. — Madrid : Imprenta de D. E. Tamarit, 1848-1849.
- David K.* Ancestors and Martyrs : Ceremonies of Occupation and Liberation in Ukraine // Ab Imperio. — 2020. — Vol. 4. — P. 161-191.
- Decreto de 1 de abril de 1940 disponiendo se alcen Basílica, Monasterio y Cuartel de Juventudes, en la finca situada en las vertientes de la Sierra del Guadarrama (El Escorial), conocida por Cuelga-muros, para perpetuar la memoria de los caídos en nuestra Gloriosa Cruzada // Boletín Oficial del Estado. — 1940. — 2 de abr. — N° 93. — P. 2240.
- Discurso en la inauguración del Valle de los Caídos / Generalísimo Francisco Franco. — 1959. — URL: <http://www.generalisimofranco.com/Discursos/discursos/1959/00003.htm> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Discursos de Francisco Franco / Erlisias. — URL: <https://www.ersilias.com/discursos-de-francisco-franco/> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Encarnacion O. G.* Democracy without Justice in Spain : The Politics of Forgetting. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014.
- Falasca Zamponi S.* Of Storytellers and Master Narratives : Modernity, Memory, and History in Fascist Italy // Social Science History. — 1998. — Vol. 22, no. 4. — P. 415-444.
- Gentile E.* The Sacralization of Politics in Fascist Italy. — Cambridge : Harvard University Press, 1996.
- Jenkins P.* The Great and Holy War : How World War I Became a Religious Crusade. — New York : Harper One, 2014.
- King A.* The Battle for Influence : Commemoration of Transnational Martyrs in the Italian Diaspora of the U.S. under Fascism // Memory Studies. — 2021. — Vol. 1. — P. 1-16.
- La dictadura franquista (1936-1975) : textos y documentos / ed. por J. M. S. Rodríguez. — Madrid : Ediciones Akal, S. A., 1997.
- Ley 52/2007 / Boletín Oficial del Estado. — 2007. — URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Ley de Principios del Movimiento Nacional de 1958 / Web Archive. — 1958. — URL: <https://web.archive.org/web/20060205053318/http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/02449421981244052976613/p0000001.htm> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Martínez L.* Simbología y religión en la España franquista preconiliar (1936-1962). — Liceus : Servicios de Gestió, 2006.

- Mensajes de final de año de Francisco Franco / Ersilias. — URL: <https://www.ersilias.com/mensajes-de-final-de-ano-de-francisco-franco/> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Monument to the Heroes of 1809 / Barcelona Lowdown. — URL: <https://barcelona-lowdown.com/monument-to-the-heroes-of-1809/> (visited on Jan. 30, 2023).
- Monumento a los caídos por España / Todosobremadrid. — URL: <https://todo-sobremadrid.com/que-hacer/monumento-a-los-caidos-por-espana/> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Monumento a los Mártires de la Religión y la Patria / Zaragoza Go. — URL: <https://zaragozago.com/monumentos-zaragoza/monumento-martires-religion-patria/> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Olmeda F.* El Valle de los Caídos. — Barcelona : Península, 2009.
- Payne S.* Falange : A History of Spanish Fascism. — Stanford : Stanford University Press, 1965.
- Payne S., Palacios J.* Franco : A Personal and Political Biography. — Madison, WI : The University of Wisconsin Press, 2014.
- Preston P.* Franco : A Biography. — London : Harper Collins, 1993.
- Primo de Rivera J. A.* Escritos y Discursos. Obras Completas (1922–1936). — Madrid : Instituto de Estudios Políticos, 1976.
- Proclama del alzamiento por Franco el 18 de julio de 1936 / Fundación Nacional Francisco Franco. — 1936. — URL: <https://fnff.es/historia/836469249/proclama-del-alzamiento-por-franco-el-1-de-julio-de-16.html> (visitado 30 de ene. de 2023).
- Raquer H.* Gunpowder and Incense : The Catholic Church and the Spanish Civil War / trans. from the Spanish by G. Howson. — London, New York : Routledge, 2007.
- Richards M.* From War Culture to Civil Society : Francoism, Social Change and Memories of the Spanish Civil War // History and Memory. — 2002. — Vol. 12, no. 1/2. — P. 93–120.
- Rusu M.* The Sacralization of Martyric Death in Romanian Legionary Movement : Self-sacrificial Patriotism, Vicarious Atonement, and Thanatic Nationalism // Politics, Religion & Ideology. — 2016. — Vol. 17, no. 2/3. — P. 249–273.
- Rusu M.* Staging Death : Christofascist Necropolitics during the National Legionary State in Romania, 1940–1941 // Nationalities Papers. — 2020. — Vol. 49, no. 3. — P. 1–14.
- Salgado-Araujo F. F.* Mis conversaciones privadas con Franco. — Barcelona : Planeta, 1976.
- Săndulescu V.* Sacralised Politics in Action : The February 1937 Burial of the Romanian Legionary Leaders Ion Moța and Vasile Marin // Totalitarian Movements and Political Religions. — 2007. — Vol. 8, no. 2. — P. 259–269.
- Suárez Fernández L.* Franco : la historia y sus documentos. Vol. 5. — Madrid : Urbión, 1986.
- Sueiro D.* La verdadera historia del Valle de los Caídos. — Madrid : Sedmay, 1977.

- Sueiro D.* El Valle de los Caídos. Los secretos de la cripta francista. — Barcelona : La Esfera de los Libros S. L., 2006.
- Thomàs J. M.* José Antonio Primo de Rivera : The Reality and Myth of a Spanish Fascist Leader. — New York : Berghahn Books, 2019.
- Vincent M.* The Martyrs and the Saints : Masculinity and the Construction of the Francoist Crusade // *History Workshop Journal*. — 1999. — Vol. 47. — P. 68–98.
- Yeoman R.* Cults of Death and Fantasies of Annihilation : The Croatian Ustasha Movement in Power, 1941–45 // *Central Europe*. — 2005. — Vol. 10. — P. 234–256.
- Zavatti F.* Transnationalizing Fascist Martyrs : An Entangled History of the Memorialization of Ion Moța and Vasile Marin in Spain and Romania, 1937–41 // *Historical Research*. — 2022. — Vol. 95, no. 268. — P. 264–28.

Zygmunt, A. I. 2023. “‘Mucheniki za Boga i Ispaniyu’ [‘Martyrs for God and Spain’]: natsionalnoye muchenichestvo v Ispanii ot Grazhdanskoy voyny do ‘Zakona ob istoricheskoy pamyati’ [National Martyrdom in Spain from the Civil War to the Historical Memory Law]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 7 (1), 128–164.

ALEKSEY ZYGMONT

PHD IN PHILOSOPHY, INDEPENDENT RESEARCHER (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-5822-9014

“MARTYRS FOR GOD AND SPAIN”

NATIONAL MARTYRDOM IN SPAIN

FROM THE CIVIL WAR TO THE HISTORICAL MEMORY LAW

Submitted: Jan. 31, 2023. Reviewed: Feb. 06, 2023. Accepted: Feb. 06, 2023.

Abstract: The article considers the ideology of national martyrdom in 20th century Spain, especially the cult of “martyrs for God and Spain” spread during the period of Spanish Civil War (1939–1939) and the reign of *caudillo* Francisco Franco (1939–1975). The author reasons that, as a mechanism for legitimization and mobilization, the idea of martyrdom for the nation was one of the integral parts of Francoist regime. The origins of this idea are traced back to several sources: “old” national martyrdom of 19th century Spain, associated with its struggle for independence from France, the sacrificial culture of local groups such as the Carlist and Jesuits, the ideology of the fascist Spanish Phalanx and some theological concepts put forward by distinguished Roman Catholic bishops in Spain. Particular attention is given to the discourse of José Antonio Primo de Rivera, the founder of Spanish fascism, who cultivated a “spirit of sacrifice” and promoted the veneration of dead Falangists as martyrs. Theory and practice of martyrdom in the Civil War are examined in relation to its conceptualization as a “Crusade”, which contributed to the junction between the images of military hero and martyr. After the end of war, this militaristic ideology became routinized and more peaceful, although preserving its unifying force. The article’s final section examines the issues associated with the Valley of the Fallen memorial and the recent politics of “demartyrization” as part of overcoming the legacy of dictatorial rule. The author concludes that as long as José Antonio’s body remain at the center of the Valley, state policy on “historical memory” and the cult of martyrs would remain conceptually incomplete.

Keywords: Spanish Civil War, Francoism, National Martyrdom, Historical Memory, Sacrifice, Valley of the Fallen.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-128-164.

REFERENCES

- "82 Aniversario del asesinato de Matías Montero" [in Spanish]. 2019. Fundación Nacional Francisco Franco. Accessed Jan. 30, 2023. <https://fnff.es/historia/556243752/2o-aniversario-del-asesinato-de-matias-montero.html>.
- Aguila, P., and C. Ramirez-Bara. 2014. "Amnesty and Reparations without Truth or Justice in Spain." In *Transitional Justice and Memory in Europe (1945–2019)*, ed. by N. Wouters, 99–258. Cambridge: Intersentia.
- Aguilar Fernández, P. 2002. *Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy*. New York: Berghahn Books.
- "Allocuzione di sua santità Pio XI ai vescovi, sacerdote, religiosi e fedeli profughi dalla Spagna, 'La vostra presenza', 14 settembre 1936" [in Italian]. 1936. The Holy See. Accessed Jan. 30, 2023. https://www.vatican.va/content/pius-xi/it/speeches/documents/hf_p-xi_spe_19360914_vostra-presenza.html.
- Ameller, V., and M. Castillo. 1853. *Los mártires por la libertad española* [in Spanish]. Vol. 1. Madrid: Imprenta de Luis García.
- Anderson, P. 2011. "In the Name of the Martyrs: Memory and Retribution in Francoist Southern Spain, 1936–45." *Cultural and Social History* 8 (3): 355–370.
- Beevor, A. 2019. *Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 [The Battle for Spain]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Kabalkin. Moskva [Moscow]: KoLibri / Azbuka-Attikus.
- Bourdieu, P. 2014. "Sotsial'noye prostranstvo i genezis 'klassov' [Espace social et genèse des 'classes']" [in Russian]. In *Sotsial'noye prostranstvo [Espace social] : polya i praktiki [Champs et pratiques]*, ed. by N. A. Shmatko, 55–95. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Box, Z. 2005. "Pasión, muerte y glorificación de José Antonio Primo de Rivera" [in Spanish]. *Historia del presente* 6:191–218.
- Box, Z., and I. Saz. 2011. "Spanish Fascism as a Political Religion (1931–1941)." *Politics, Religion & Ideology* 12 (4): 371–389.
- Braisotti, P. 2016. "Los 'caídos' falangistas como germen de la religión política en España (1933–1936)" [in Spanish]. *Historia del presente* 27:145–155.
- Bueno, A. 2013. "Valle de los Caídos: A Monument to Defy Time and Oblivion." In *Memory and Cultural History of the Spanish Civil War : Realms of Oblivion*, ed. by A. Morcillo, 51–109. Leiden: Brill.
- "Byvshiy sud'ya trebuyet ot vlastey Ispanii perezakhoronit' ostanki Franko [Former Judge Demands Spanish Authorities to Reburial Franco's Remains]" [in Russian]. 2015. RIA Novosti. Accessed Jan. 30, 2023. <https://ria.ru/20151119/1324474371.html>.
- "Carta colectiva del episcopado español a los obispos del mundo entero" [in Spanish]. 1947. In *La Iglesia y la Guerra Civil Española (Documentos Eclesiásticos)*, 105–135. Buenos Aires: Editorial Ver.
- Casanova, J. 2001. *La Iglesia de Franco* [in Spanish]. Madrid: Temas de Hoy.
- Crozier, B. 1967. *Franco: A Biographical History*. NY: Little, Brown & Company.
- Cucalon y Escolano, L. 1848–1849. *Panteón de los mártires españoles sacrificados por la libertad e independencia* [in Spanish]. Madrid: Imprenta de D. E. Tamarit.

- David, K. 2020. "Ancestors and Martyrs: Ceremonies of Occupation and Liberation in Ukraine." *Ab Imperio* 4:161–191.
- "Decreto de 1 de abril de 1940 disponiendo se alcen Basílica, Monasterio y Cuartel de Juventudes, en la finca situada en las vertientes de la Sierra del Guadarrama (El Escorial), conocida por Cuelga-muros, para perpetuar la memoria de los caídos en nuestra Gloriosa Cruzada." 1940 [in Spanish]. *Boletín Oficial del Estado*, no. 93 (Apr. 2, 1940): 2240.
- "Discurso en la inauguración del Valle de los Caídos" [in Spanish]. 1959. Generalísimo Francisco Franco. Accessed Jan. 30, 2023. <http://www.generalisimofranco.com/Disursos/discursos/1959/00003.htm>.
- "Discursos de Francisco Franco" [in Spanish]. Ersilias. Accessed Jan. 30, 2023. <https://www.ersilias.com/discursos-de-francisco-franco/>.
- Encarnacion, O. G. 2014. *Democracy without Justice in Spain: The Politics of Forgetting*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Epple, N. 2021. *Neudobnoye proshloye. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh [The Uncomfortable Past. Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.
- Falasca Zamponi, S. 1998. "Of Storytellers and Master Narratives: Modernity, Memory, and History in Fascist Italy." *Social Science History* 22 (4): 415–444.
- Gentile, E. 1996. *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Cambridge: Harvard UP.
- Jenkins, P. 2014. *The Great and Holy War: How World War I Became a Religious Crusade*. New York: Harper One.
- King, A. 2021. "The Battle for Influence: Commemoration of Transnational Martyrs in the Italian Diaspora of the U. S. under Fascism." *Memory Studies* 1:1–16.
- "Ley 52/2007" [in Spanish]. 2007. Boletín Oficial del Estado. Accessed Jan. 30, 2023. <https://www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410--53416.pdf>.
- "Ley de Principios del Movimiento Nacional de 1958" [in Spanish]. 1958. Web Archive. Accessed Jan. 30, 2023. <https://web.archive.org/web/20060205053318/http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/02449421981244052976613/p0000001.htm>.
- Martínez, L. 2006. *Simbología y religión en la España franquista preconciliar (1936–1962)* [in Spanish]. Liceus: Servicios de Gestió.
- "Mensajes de final de año de Francisco Franco" [in Spanish]. Ersilias. Accessed Jan. 30, 2023. <https://www.ersilias.com/mensajes-de-final-de-ano-de-francisco-franco/>.
- "Monument to the Heroes of 1809." Barcelona Lowdown. Accessed Jan. 30, 2023. <https://barcelonalowdown.com/monument-to-the-heroes-of-1809/>.
- "Monumento a los caídos por España" [in Spanish]. Todosobremadrid. Accessed Jan. 30, 2023. <https://todosobremadrid.com/que-hacer/monumento-a-los-caidos-por-espana/>.
- "Monumento a los Mártires de la Religión y la Patria" [in Spanish]. Zaragoza Go. Accessed Jan. 30, 2023. <https://zaragozago.com/monumentos-zaragoza/monumento-martires-religion-patria/>.
- Olmeda, F. 2009. *El Valle de los Caídos* [in Spanish]. Barcelona: Península.
- Payne, S. 1965. *Falange: A History of Spanish Fascism*. Stanford: Stanford University Press.
- Payne, S., and J. Palacios. 2014. *Franco: A Personal and Political Biography*. Madison, WI: The University of Wisconsin Press.
- Preston, P. 1993. *Franco: A Biography*. London: Harper Collins.
- Primo de Rivera, J. A. 1976. *Escritos y Discursos. Obras Completas (1922–1936)* [in Spanish]. Madrid: Instituto de Estudios Políticos.
- . 2010. *Strely Falangi. Izbrannyye trudy [Arrows of the Falange. Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the Spanish by A. M. Ivanov. Moskva [Moscow]: "Slava!"

- “Proclama del alzamiento por Franco el 18 de julio de 1936” [in Spanish]. 1936. Fundación Nacional Francisco Franco. Accessed Jan. 30, 2023. <https://fnff.es/historia/836469249/proclama-del-alzamiento-por-franco-el-1-de-julio-de-16.html>.
- Rager, H. 2007. *Gunpowder and Incense [La pólvora y el incienso]: The Catholic Church and the Spanish Civil War [La Iglesia y la Guerra Civil española (1936–1939)]*. Trans. from the Spanish by G. Howson. London and New York: Routledge.
- Richards, M. 2002. “From War Culture to Civil Society: Francoism, Social Change and Memories of the Spanish Civil War.” *History and Memory* 12 (1/2): 93–120.
- Rodríguez, J. M. S., ed. 1997. *La dictadura franquista (1936–1975): textos y documentos* [in Spanish]. Madrid: Ediciones Akal, S. A.
- Rusu, M. 2016. “The Sacralization of Martyric Death in Romanian Legionary Movement: Self-sacrificial Patriotism, Vicarious Atonement, and Thanatic Nationalism.” *Politics, Religion & Ideology* 17 (2/3): 249–273.
- . 2020. “Staging Death: Christofascist Necropolitics during the National Legionary State in Romania, 1940–1941.” *Nationalities Papers* 49 (3): 1–14.
- Salgado-Araujo, F. F. 1976. *Mis conversaciones privadas con Franco* [in Spanish]. Barcelona: Planeta.
- Săndulescu, V. 2007. “Sacralised Politics in Action: The February 1937 Burial of the Romanian Legionary Leaders Ion Moța and Vasile Marin.” *Totalitarian Movements and Political Religions* 8 (2): 259–269.
- Suárez Fernández, L. 1986. *Franco: la historia y sus documentos* [in Spanish]. Vol. 5. Madrid: Urbión.
- Sueiro, D. 1977. *La verdadera historia del Valle de los Caídos* [in Spanish]. Madrid: Sedmay.
- . 2006. *El Valle de los Caídos. Los secretos de la cripta francista* [in Spanish]. Barcelona: La Esfera de los Libros S. L.
- Thomás, J. M. 2019. *José Antonio Primo de Rivera: The Reality and Myth of a Spanish Fascist Leader*. New York: Berghahn Books.
- Umrikhin, A. 2015. “‘Ispaniya bez ‘orlov’ [Spain without ‘Eagles’]: kak v Madride boryut-sya s simbolami frankizma [How Madrid is Struggling with the Symbols of Francoism]” [in Russian]. Regnum. Accessed Jan. 30, 2023. <https://regnum.ru/news/society/3421754.html>.
- Vincent, M. 1999. “The Martyrs and the Saints: Masculinity and the Construction of the Francoist Crusade.” *History Workshop Journal* 47:68–98.
- Yeoman, R. 2005. “Cults of Death and Fantasies of Annihilation: The Croatian Ustasha Movement in Power, 1941–45.” *Central Europe* 10:234–256.
- Zavatti, F. 2022. “Transnationalizing Fascist Martyrs: An Entangled History of the Memorialization of Ion Moța and Vasile Marin in Spain and Romania, 1937–41.” *Historical Research* 95 (268): 264–28.
- Zygmont, A. I. 2019. “‘Dulce et decorum est’ [‘Dulce et decorum est’]: fenomen muchenichestva v zapadnykh natsionalizmakh XVIII–XX vv. [The Phenomenon of Martyrdom in Western Nationalisms of the 18th–20th Centuries]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]*, no. 3, 143–171.
- . 2021. “Natsional’noye muchenichestvo v epokhu Frantsuzskoy revolyutsii XVIII veka [National Martyrdom in the French Revolution]: opyt sotsiologicheskogo analiza [A Sociological Analysis]” [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, no. 2, 31–58.
- . 2022. “Muchenichestvo kak reputatsionnyy proyekt [Martyrdom as a ‘Reputational Project’]: kto i kak ‘delayet’ muchenikov [Who and How ‘Makes’ the Martyrs]” [in Russian]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]*, no. 1, 198–225.